

Р. Якобсон

ВЗГЛЯДЫ БОАСА НА ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ *

(Р. Якобсон Избранные работы. –М.: Прогресс. –1985. –455 с.)

The man killed the bull 'человек убил быка'. Комментарий к этому предложению, который Боас дал в своем сжатом очерке "Язык" (1938), является ценнейшим вкладом в лингвистическую теорию. "В языке,— пишет Боас, — опыт, который должен быть сообщен другому, классифицируется с точки зрения целого ряда различных аспектов." (1938, с. 127). Так, в предложениях the man killed the bull 'человек убил быка' и the bull killed the man 'бык убил человека' посредством прямой и обратной последовательности слов выражаются два разных события. В обоих предложениях речь идет о человеке (man) и быке (bull), — однако агенс и пациенс распределены по-разному.

Как считает Боас, грамматика выделяет и классифицирует различные аспекты опыта и изучает их выражение в языке. Более того, она выполняет еще одну важную функцию: "она определяет, какие аспекты того или иного опыта *должны* быть выражены". Боас тонко подметил обязательность грамматических категорий как специфическую особенность, отличающую их от лексических значений: "Когда мы говорим: "The man killed the bull", мы понимаем, что некий вполне определенный человек в прошлом убил одного, также вполне определенного быка. Мы не можем <говоря по-английски> выразить этот опыт так, чтобы осталось неясным, имеется в виду определенный или неопределенный человек или бык, один человек или один бык или много людей или быков, настоящее или прошедшее время. Нам приходится выбирать между несколькими аспектами, и на каком-то из этих аспектов мы должны остановиться. Эти обязательные аспекты выражаются с помощью грамматических средств." (1938, с. 132). В речевом общении мы всякий раз имеем дело с набором альтернативных решений: нам надо выбирать одно из двух. Если речь идет о действии 'убить', а 'человек' и 'бык' соответственно выступают как

* Из работы "The Anthropology of Franz Boas: Essays on the Centennial of His Birth" (ed. American Anthropological Association, Memoir LXXX). Menasha, 1959, p. 134-145. [Перепечатана в: "Roman Jakobson. Selected Writings", II. The Hague-Paris: Mouton, 1971, p. 497]

[231]

агенс и пациенс, то носитель английского языка должен прежде всего сделать выбор (А) между *пассивной* и *активной* конструкциями: в первой внимание сосредоточено на пациенте, а во второй — на агенсе, и поэтому в первой агенс, а во второй пациент могут быть не выражены (The bull was killed [by the man]; The man killed [the bull]). Поскольку упоминание об агенсе в пассивной конструкции факультативно, его опущение не следует считать эллипсисом, тогда как предложение Was killed by the man — это явный эллипсис. Выбрав активную конструкцию, говорящий должен далее сделать такие альтернативные выборы, как выбор (В) между *претеритом* (прошлым) и *не-претеритом*: killed vs. kills; (С) между *перфектом* (в интерпретации О. Есперсена (1924, 1954) — ретроспективом, пермансивом, инклюзивом) и *не-перфектом*: has killed vs. kills; had killed vs. killed; (D) между *прогрессивом* (расширенная временная форма, континуатив) и *не-прогрессивом*: is killing vs. kills; was killing vs. killed; has been killing vs. has killed; had been killing vs. had killed; (E) между *потенциалом* и *не-потенциалом*: will kill vs. kills; would kill vs. killed; will have killed vs. has killed; would have killed vs. had killed; will be killing vs. is killing; would be killing vs. was killing; will have been killing vs. has been killing; would have been killing vs. had been killing (другие вспомогательные глаголы из пар will

– shall и can – may, которые имеют только формы претерита и не-претерита, опущены)
1.

Вспомогательный глагол to do, употребленный в конструкциях, связанных с суждением – подчеркнутое утверждение, "нексусное отрицание" и "нексусный вопрос" (термины Есперсена, 1924), – не сочетается с другими вспомогательными глаголами, и поэтому число возможных выборов (F) между *подчеркнутым утверждением* и *простым утверждением* (assertorial vs. non-assertorial) уменьшается до двух: does kill us. kills, did kill us. killed 8. Поскольку любое нексусное отрицание и любой нексусный вопрос имеют явную модальность, связанную с выражением суждения (в терминах У. Куайна – "вердиктивную" модальность [от англ. verdict 'мнение', 'решение']), то в этих случаях простая глагольная форма (kills, killed) обязательно заменяется конструкцией с do: здесь нет альтернативного выбора. В то же время различие между подчеркнутым утверждением и простым утвердительным высказыванием требует выбора одной из двух возможных конструкций: the man does kill the bull или the man kills the bull; he did kill или he killed. Таким образом, отсутствие (или по крайней мере совершенно необычный характер) вопросительных конструкций типа killed he? или read you? в формальной структуре английского языка обусловлено семантически.

Все сказанное здесь о селективных категориях глагола в личных утвердительных конструкциях можно подытожить с помощью таблицы

* Перфект прогрессива и потенциалис прогрессива не употребляются в пассиве, поскольку две неличные формы вспомогательного глагола to be несовместимы.

2 Кроме индикатива, этот вспомогательный глагол используется еще только в императиве: do kill! vs. kill!

[232]

(см. стр. 234). В этой таблице для обоих противопоставленных членов каждой категории приняты следующие обозначения: признаковый, "маркированный" член обозначается плюсом; беспризнаковый, "немаркированный" – минусом; минусами в скобках обозначается отсутствие соответствующих плюсов.

В результате выбора говорящим той или иной грамматической формы слушающий получает определенное количество информации (в битах). Обязательный характер, который эта информация имеет в речевом общении данного языкового коллектива, и значительные различия в составе грамматической информации по разным языкам прекрасно осознавались Боасом благодаря его удивительному проникновению в сущность многообразных семантических структур языков мира: "Аспекты <классификации опыта>, выбираемые различными группами языков, сильно варьируются. Приведем пример: для носителя английского языка определенность, число и время являются обязательными; в то же время в другом языке мы можем найти иные обязательные аспекты, например локализацию события (вблизи от говорящего или в другом месте), источник информации о событии (наблюдал ли говорящий событие лично, слышал ли о нем от кого-либо или вывел сведения о нем путем умозаключений) и т.д. Вместо того чтобы сказать The man killed the bull 'Человек убил быка', пришлось бы говорить 'Этот человек (или люди) убивать (неопределенное время) на моих глазах того быка (или быков)'" (Boas, 1938, с. 133).

При этом Боас решительно предостерегает тех, кто, исходя из набора грамматических значений данного языка, пытается делать выводы о соответствующей культуре: аспекты, которые обязательно должны выражаться, в одном языке может

быть много, а в другом – мало, однако “малочисленность обязательных аспектов отнюдь не приводит к неясности речи. Когда это необходимо, ясность может быть достигнута добавлением пояснительных слов”. В тех языках, где нет грамматического времени и грамматического числа, время и множественность выражается с помощью лексических средств. Таким образом, основное различие между языками состоит не в том, что может или не может быть выражено, а в том, что должно или не должно сообщаться говорящими. Если русский говорит: "Я написал другу", различие между определенностью и неопределенностью (по-английски the friend vs. a friend) не выражается, тогда как завершенность письма выражена совершенным видом глагола; а мужской пол друга – мужским родом соответствующего существительного. Поскольку в русском языке эти значения являются грамматическими, они не могут быть опущены в процессе общения. В английском же, задав по поводу высказывания "I wrote a friend" вопрос, было ли закончено письмо и адресовалось оно мужчине или женщине, рискуешь получить в ответ маловежливое: "Не ваше дело!"

Грамматика воистину *ars obligatoria*, как называли ее преподаватели классических гимназий, поскольку она обязывает говорящего принимать решения типа "да – нет". Как неоднократно указывал Боас, грамматические значения данного языка направляют внимание

[233]

Глагольные формы		Селективные категории английского глагола					
		A	B	C	D	E	F
1	kills	-	-	-	-	-	-
2	killed	-	+	-	-	-	-
3	has killed	-	-	+	-	-	(-)
4	had killed	-	+	+	-	-	(-)
5	will kill	-	-	-	-	+	(-)
6	would kill	-	+	-	-	+	(-)
7	will have killed	-	-	+	-	+	(-)
8	would have killed	-	+	+	-	+	(-)
9	is killing	-	-	-	+	-	(-)
10	was killing	-	+	-	+	-	(-)
11	has been killing	-	-	+	+	-	(-)
12	had been killing	-	+	+	+	-	(-)
13	will be killing	-	-	-	+	+	(-)

14	would be killing	-	+	-	+	+	(-)
15	will have been killing	-	-	+	+	+	(-)
16	would have been killing	-	+	+	+	+	(-)
17	does kill	-	-	(-)	(-)	(-)	+
18	did kill	-	+	(-)	(-)	(-)	+
19	is killed	+	-	-	-	-	(-)
20	was killed	+	+	-	-	-	(-)
21	has been killed	+	-	+	(-)	-	(-)
22	had been killed	+	+	+	(-)	-	(-)
23	will be killed	+	-	-	(-)	+	(-)
24	would be killed	+	+	-	(-)	+	(-)
25	will have been killed	+	-	+	(-)	+	(-)
26	would have been killed	+	+	+	(-)	+	(-)
27	is being killed	+	-	-	+	-	(-)
28	was being killed	+	+	-	+	-	(-)

говорящего коллектива в определенную сторону и благодаря своему обязательному принудительному характеру оказывают влияние на поэзию, верования и даже на философское мышление; при этом, однако, они нисколько не мешают языкам приспособляться к нуждам, порождаемым развитием знания.

Наряду с теми значениями, которые являются грамматическими, и, следовательно, обязательными в одних языках, но лексическими и поэтому факультативными в других, Боас выделял определенные реляционные категории, обязательные во всех языках мира: "...способы выражения этих... категорий весьма различны, однако они

[234]

являются "необходимыми элементами грамматики"». К таким категориям принадлежат, например, различие между субъектом и предикатом, различие между предикацией и атрибуцией, а также грамматически оформленное различие между говорящим и слушающим. Проблема необходимых универсальных категорий была намечена Боасом и его проницательным учеником Сепиром (1921), вопреки младограмматикам, решительно осуждавшим всякую попытку искать универсалии, и является центральной проблемой современной лингвистики.

Вопрос о том, какая информация всегда и обязательно выражается при речевом общении во всех языках мира, а какая – только в некоторых языках, имеет для Боаса первостепенное значение. Обращение к этой проблеме позволяет отделить универсальную грамматику от грамматического описания конкретных языков. Более того, это помогло Боасу провести границу между морфологией и синтаксисом с их обязательными правилами и более свободной областью словаря и фразеологии. Если, разговаривая по-английски, мы хотим употребить существительное, то мы обязательно должны сделать два альтернативных выбора: один – между единственным и множественным числом и второй – между определенностью и неопределенностью. В то же время в некоторых американских индейских языках, где число и неопределенность не являются грамматическими категориями, различие между *the thing – a thing, the things – things* может либо просто игнорироваться, либо, если это нужно, выражаться лексическими средствами.

Боас ясно понимал, что любое различие в грамматических категориях несет семантическую информацию. Если язык – это инструмент для передачи информации, то невозможно описывать составные части этого инструмента, ничего не сказав об их функциях: ведь описание автомобиля, в котором не указывается назначение его рабочих частей, является неполным и неадекватным. В центре внимания Боаса всегда стоял ключевой вопрос: каково различие между наблюдаемыми грамматическими способами в отношении передаваемой ими информации. Боас никогда бы не принял несемантическую теорию грамматической структуры. Пораженческий тезис о том, что понятие смысла якобы является расплывчатым, сам представлялся Боасу расплывчатым и бессмысленным.

Тщательная и объективная методика Боаса ясно проявлялась в его работе с туземными информантами, особенно с индейцем из племени квакиутль (*kwakiuti*), который в течение долгого времени был его гостем в Нью-Йорке. Боас внимательно наблюдал за тем, как необычные для индейца впечатления от Нью-Йорка взаимодействовали с его родной системой социальных и культурных навыков. Боас очень любил изображать в разговоре безразличие этого индейца с острова Ванкувер перед манхэттенскими небоскребами ("Мы строим дома один рядом с другим, а вы громоздите их друг на друга"), в Аквариуме ("Таких рыб мы бросаем обратно в озеро") и в кино, где фильмы казались ему скучными и бессмысленными. Зато этот же самый ин-

[235]

деец мог часами стоять как зачарованный перед балаганами ярмарки на Таймс-сквер с ее великанами и карликами, бородатыми дамами и девицами с лисьими хвостами или в закусочных-автоматах, где он -наблюдал чудесное появление напитков и сэндвичей, чувствуя себя в мире волшебных сказок племени квакиутль. В то же самое время причудливая смесь родного языка с английским, при помощи которой он общался с белыми, дала Боасу неоценимый материал для проникновения в особенности грамматических значений языка квакиутль.

Равнозначные высказывания на двух языках, но прежде всего и главным образом – интерпретация понятий посредством эквивалентных выражений, как раз и являются тем, что лингвисты называют "значением" и что соответствует семиотическому определению значения символа как его "перевода в другие символы" (Чарльз Пирс, 1934). Таким образом, значение может и должно определяться в терминах чисто лингвистических разграничений и отождествлений – точно так же, как лингвистические разграничения со своей стороны всегда осуществляются с учетом их семантической функции. Реакции говорящих на свой собственный язык, или, как их еще можно назвать, "мета языковые операции", являются уравнивающими пропозициями

(equational propositions). Такие пропозиции применяются всякий раз, когда возникает сомнение в том, что оба собеседника используют один и тот же языковой код, или появляется желание выяснить, насколько хорошо высказывания одного из говорящих понимаются другим говорящим. Метаязыковая интерпретация сообщений посредством перифраз, синонимических выражений и переводов на другой язык или даже в знаки неязыковой природы играет огромную роль в любом процессе усвоения языка – как детьми, так и взрослыми. Уравнивающие пропозиции занимают в корпусе высказываний важное место, и наряду с другими элементами данного корпуса они могут быть подвергнуты дистрибутивному анализу (сказано ли и в каком контексте, что "А есть В", что "В есть А" и/или что "А не есть В" и "В не есть А"?). Таким образом, строго лингвистическая техника дистрибутивного анализа оказывается полностью применимой к проблемам значения – как грамматического, так и лексического, и значения больше не следует рассматривать как нечто "недоступно-субъективное". Толкование значений посредством метаязыковых операций, которые выполняются информантами, – это более надежный и объективный метод, чем обращение к информантам с вопросом о допустимости тех или иных предложений. Эллипсисы и анаколумы, недопустимые в развернутом, тщательном стиле, легко могут быть отвергнуты информантом, хотя они возможны в разговорной, эмоциональной или поэтической речи.

Хомский поступил весьма изобретательно, попытавшись построить "полностью несемантическую теорию грамматической структуры". В действительности же его эксперимент – это великолепный *argu-mentum a contrario*, особенно полезный для еще ждущего своей очереди исследования иерархии грамматических значений. Примеры, приведенные Хомским в его "Синтаксических структурах" (1957),

[236]

могут служить интересными иллюстрациями к положениям Боаса о классе грамматических значений. Так, анализируя предложение "Бесцветные зеленые идеи яростно спят" (1957, 15), рассматриваемое Хомским как образец бессмысленного высказывания, мы выявляема нем имеющий форму множественного числа топик "идеи", о котором говорится, что он находится в состоянии "сна"; оба члена имеют определения: "идеи" характеризуются как "бесцветные зеленые", а "сон" – как "яростный". Указанные грамматические отношения создают осмысленное предложение, для которого возможна проверка истинности: существуют или нет такие вещи, как "бесцветное зеленое", "зеленые идеи", "сонные идеи" или "яростный сон"? "Бесцветное зеленое" – это синонимическое выражение для "бледно-зеленое", имеющее как явный оксюморон легкий юмористический оттенок. Эпитет "зеленое" при слове "идеи" – это метафора, напоминающая знаменитую строку Эндью Марвелла "Green thought in a green shade" ("Зеленая мысль в зеленой тени") или Льва Толстого "Все тот же ужас красный, белый, квадратный", а также русскую идиому "тоска зеленая". В фигуральном смысле глагол "спать" означает 'быть в состоянии, похожем на сон, быть инертным, онемелым, апатичным и т. д.'; ведь говорят, например, *his hatred never slept* (букв. 'его ненависть никогда не спала'). Почему же тогда не могут чьи-нибудь идеи впасть в сон? И наконец, почему нельзя рассматривать слово "яростно" как эмфатический синоним слова "крепко"? Делл Хаймз, используя рассматриваемое предложение, написал в 1957 г. вполне осмысленное стихотворение под тем же названием "Бесцветные зеленые идеи яростно спят".

Но даже если мы будем педантично осуждать все образные выражения и отрицать существование зеленых идей, то и тогда, как в случаях "квадратуры круга" или "птичьего молока", "несуществование", фиктивность этих сущностей не имеет отношения к вопросу об их семантической значимости. Тот факт, что мы можем

задавать вопрос, существуют ли они, служит предостережением против смешения онтологической нереальности с бессмысленностью. Нет также совершенно никаких оснований приписывать предложениям рассматриваемого здесь типа “более низкую степень грамматичности”. В одном из словарей русского языка прилагательное *беременный* снабжено пометой “femininum tantum”, поскольку “беременный мужчина” немислим. Однако в самом этом предложении прилагательное *беременный* использовано именно в форме мужского рода; кроме того, “беременные мужчины” фигурируют в фольклоре, в газетном юморе и в стихах Давида Бурлюка: “Мне нравится беременный мужчина, прислонившийся к памятнику Пушкина”. Наконец, формы мужского рода этого прилагательного встречаются в случаях его фигурального употребления. Аналогичным образом одна ученица французской начальной школы утверждала, что в ее родном языке не только существительные, но и глаголы имеют род, например глагол *souvenir* ‘высидивать цыплят’ – женского рода, потому что “курицы высидивают цыплят, а петухи нет”. Онтологические аргументы

[237]

не следует применять и для установления степеней грамматичности; нельзя исключать такие якобы “инвертированные предложения”, как *golf plays John* ‘гольф играет Джоном (в Джона)’ (Chomsky, 1957, 42; ср. такие вполне ясные высказывания, как *John does not play golf*; *golf plays John* ‘Это не Джон играет в гольф, а гольф играет Джоном’).

Действительная неграмматичность лишает высказывание всякой семантической информации. Чем больше синтаксических показателей опущено и тем самым чем меньше реляционных значений выражено, тем менее возможной становится проверка истинности данного сообщения. Одна лишь фразовая интонация объединяет такие *mots en liberte*, как “*silent not night by silently unday*” (Э. Э. Каммингз) или “*Furiously sleep ideas green colorless*” (Н. Хомский). Если высказывание *It seems to move toward the end* ‘Дело, кажется, идет к концу’ превратить в неграмматическое *Move end toward seem*, то за ним вряд ли может последовать вопрос “Это правда?” или “Вы действительно думаете, что это так?”. Полностью неграмматичные высказывания в самом деле бессмысленны. Организующая сила грамматической структуры и налагаемые ею ограничения, признанные Боасом и противопоставленные им относительной свободе в выборе слов, становятся особенно явными при семантическом исследовании области бессмысленного.

ЛИТЕРАТУРА

- Boas Franz. Language.– In: “General Anthropology”. Boston, 1931.
- Chao Y. R. How Chinese logic operates.– “Anthropological Linguistics”, I, 1959, p. 1-8.
- Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague: Mouton and Co, 1957 (русск. перев.: Хомский Н. Синтаксические структуры.– В: “Новое в лингвистике”, вып. II. М., 1962, с. 412–527).
- Jespersen O. The Philosophy of Modern Grammar. London–New York, 1924.
- Jespersen O. A Modern English Grammar on Historic Principles. (Reprinted.) London–Copenhagen, 1954.
- Peirce Ch. S. Collected Papers, vol. 5. Cambridge: Harvard University Press, 1934.
- Sapir E, Language. New York: Harcourt, Brace and Co, 1921,
- [238]